

Депутатъ отъ Россіи.

Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой¹⁾.

Г л а в а I.

два окончилась русско-турецкая война, какъ явились ея послѣдствія: Афганистанская война и возстанія въ Македоніи.

Въ то время, какъ Биконсфильдъ грозилъ войной Россіи и тайно готовилъ экспедицію изъ индійскихъ войскъ, чтобы завладѣть Кипромъ, съ согласія, или безъ согласія султана, русскіе, съ своей стороны, готовились отплатить тѣмъ же. По соглашенію между Россіей и Англійей, заключенному въ министерство Гладстона, Афганистанъ признавался территоріей въ сферѣ англійскихъ интересовъ, которой Россія не должна была касаться. Въ Кабулѣ не существовало русскаго аккредитованнаго лица. Содержаніе и вооруженіе Эмира дѣлалось индійскимъ правительствомъ для того, чтобы Афганистанъ могъ служить какъ бы буферомъ, независимымъ, но дружественнымъ съ Англійей.

Пока Россія и Англія находились въ мирныхъ отношеніяхъ, это соглашеніе свято исполнялось. Когда же Россіи стали открыто грозить войной, и арсеналы Англійи готовили вооруженіе, чтобы напасть на русскія войска въ Болгаріи, положеніе измѣнилось. Ради самозащиты въ Европѣ, Россія послала въ Азію генерала Столѣтова, съ небольшимъ конвоемъ и любезнымъ порученіемъ въ Кабулѣ.

¹⁾ См. „Русск. Старину“ январь 1912 г.

Когда въ Европѣ водворился миръ, Столѣтовъ возвратился изъ Афганистана, и тѣмъ дѣло со стороны Россіи и кончилось.

„Въ Англіи, пишетъ Стэдъ, борьба не прекратилась такъ быстро. Напротивъ: тутъ даже проявилась воинственность съ тѣхъ поръ, какъ лордъ Литонъ былъ назначенъ вице-королемъ, чтобы объявить королеву Императрицей Индіи; его неспокойный духъ жаждалъ отличія: ему хотѣлось непременно исправить сѣверо-западную границу Индіи, что значило тогда, какъ и теперь, захватъ чужой территоріи. Онъ желалъ превратить Афганистанъ въ вассальное государство Англіи, имѣть въ Кабулѣ британскаго посланника, а Кандагаръ занять англійскими офицерами. Эмиръ Ширъ-Али, человекъ своенравный подобно Саулу Царю Израильскому, но не имѣвшій Давида, укрощающаго его нравъ искусной музыкой, — скоро понялъ грозящую ему опасность. Онъ сталъ подозрителенъ и недружелюбенъ. Чѣмъ суровѣе дѣлался онъ, тѣмъ очевиднѣе казалась лорду Литону необходимость исправленія границы. Всѣ эти предположенія, однако, были отложены при объявленіи Русско-Турецкой войны, которая отвлекла вниманіе Англіи на Ближній Востокъ, а Россіи дала мысль о возможности войны съ Англіей въ Европѣ и въ Азіи. Ширъ-Али, мрачный, недоувѣрчивый, испуганный, заботился только о своей независимости и цѣлости своей страны; одинаково не любилъ какъ русскихъ, такъ и англійчанъ, но такъ какъ послѣдніе грозили его независимости, то его глаза невольно обратились къ Средне-Азіатскимъ степямъ, изъ-за холмовъ которыхъ виднѣлась тѣнь Великаго, Бѣлаго Царя.

13-го іюля, когда былъ подписанъ Берлинскій трактатъ, и война не состоялась; генералъ Столѣтовъ былъ уже на пути изъ Самарканда въ Кабулъ. Онъ прибылъ въ Кабулъ, и 2-го августа былъ принятъ Эмиромъ.

Англійскіе министры въ это время хвастались своимъ „миромъ“, и появленіе генерала Столѣтова въ Кабулъ ихъ встревожило. Надо помнить, что тотъ же Ширъ-Али англійскихъ офицеровъ вовсе не принималъ въ свою столицу.

Здравая политика Великобританіи требовала бы спросить у Россіи объясненій Столѣтовскаго визита въ Кабулъ. Генерала, вѣроятно, бы отозвали, и все осталось бы по-прежнему. Но не тутъ-то было: на Россію Англія напасть теперь не хотѣла, а предпочла распрю съ несчастнымъ Ширъ-Али. Джингоистская партія неистовствовала. Часть Индіи, жаждущая „научной границы“, и престижъ Англіи въ Средней Азіи страдали. Въ сентябрѣ Англія отправила въ Кабулъ тысячный отрядъ. Но 1.000 человекъ для войска слишкомъ мало, а

для конвоя слишкомъ много. Отысканъ былъ и пустяшный предлогъ для новой несчастной войны въ Афганистанѣ.

Въ это самое время г-жа Новикова возвратилась въ Лондонъ и принялась за свой полезный трудъ—разъяснять англійской публикѣ русское мнѣніе о нихъ и ихъ политикѣ въ Европѣ и въ Азіи. Еще до своего пріѣзда, она уже переписывалась съ Гладстономъ о Родопской комиссіи.

На эту же тему писалъ ему и я, спрашивая также его мнѣніе о Кабульскомъ и Афганистанскомъ вопросахъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ 18-го сентября, въ самый день отъѣзда англійской миссіи въ Кабуль:

18 сентября 1878 г.

Милостивый Государь.

„На прошлой недѣлѣ Вы обратились къ мнѣ съ вопросомъ, я думаю потому, что находились въ затрудненіи, а я былъ въ затрудненіи Вамъ отвѣчать; все это происходитъ оттого: 1) что для насъ неясны самые факты. Однако, мнѣ кажется, что Daily News слишкомъ поспѣшно утверждалъ о необходимости движенія впередъ, когда мы были еще въ потемкахъ; 2) что слѣдовало разсудить, была ли посылка нашихъ войскъ въ Квету согласована съ договоромъ нашимъ съ Россіей относительно сферъ нашего обоюднаго вліянія? 3) освободитъ ли нашъ образъ дѣйствій Россію отъ ея обязательствъ и дастъ ли ей дѣйствительную причину неудовольствія? 4) Разумно или законно ли озлобленіе противъ Афганистана? 5) Не равняется ли вмѣшательство въ независимость Эмира принужденію?“

„Сегодня получилъ Вашу записку съ приложеніемъ отъ г-жи Новиковой. Оно ясно и даетъ лучшее понятіе о комиссіи, чѣмъ я прежде имѣлъ. Но все же оно меня не удовлетворяетъ. Авторъ говоритъ, что членъ французской комиссіи хорошій человекъ, и что докладъ написанъ имъ, а не русскимъ. Вашъ искренно

Гладстонъ.

Когда пришло извѣстіе о возвращеніи англійской миссіи, говорить Стэдъ, я сильно настаивалъ на собраніи митинговъ для протеста противъ второй Афганской войны и увѣдомилъ объ этомъ Чемберлена.

„Въ отвѣтъ на Вашъ вопросъ, написалъ тотъ: я сомнѣваюсь, чтобы рядъ митинговъ по поводу индійской политики принесъ какую бы то ни было пользу въ настоящее время“.

Ольга Алексѣевна, между тѣмъ, помѣстила три статьи въ „Сѣверномъ Эхо“ (Northern Echo): одну о впечатлѣніи въ Россіи отъ

англійской поликики въ Европѣ, вторую о грозящей войнѣ съ Афганистаномъ и третью о возстаніи въ Македоніи. До того, какъ она начала писать, она возобновила знакомство съ Томасомъ Карлейлемъ, какъ видно изъ слѣдующаго письма отъ 6-го октября.

„Я провела часа два съ милымъ старикомъ Карлейлемъ. Мы вмѣстѣ гуляли, ѣздили въ омнибусѣ, онъ меня проводилъ до моей гостиницы и просилъ заѣхать, въ какой день я хочу, до трехъ,— тогда мы опять покатаемся, только въ каретѣ, это для него своего рода прогрессъ. „Знаете, я думалъ, въ прошломъ году, что никогда больше Васъ не увижу. Не странно ли, что я еще живъ?“ сказалъ онъ. Милый старикъ! Кажется, онъ искренно былъ радъ меня видѣть и безпрестанно повторялъ это. Я спросила: имѣлъ ли онъ извѣстія отъ Васъ. „Лишь только, когда въ газетѣ есть что-нибудь написанное Вами, я очень благодаренъ издателю за присылку мнѣ газеты, отвѣчалъ онъ. Но политика больное мѣсто въ наше время. Съ проклятымъ нашимъ премьеромъ стыдишься того, что происходитъ“.

Друзья г-жи Новиковой сильно поощряли ея склонность къ журналисткѣ. Она мнѣ писала:

23 октября 1878 г.

„Хейвардъ говоритъ въ своей запискѣ: Я прочиталъ письмо и передовую статью о немъ съ большимъ удовольствіемъ. Во всемъ совершенно согласенъ съ Вами. Роль наша жалка и презрѣнна. Представитель Англійи шарлатанъ, но надо надѣяться, что рано или поздно наступитъ разоблаченіе“.

„Фрудъ относится также дружески къ ней: „О. К. хороша какъ нельзя болѣе“, пишетъ онъ. Вотъ письмо г-жи Новиковой:

„Вчера я навѣстила Карлейля. Какъ только онъ увидѣлъ меня, онъ воскликнулъ: Я нахожу Вашу статью очень хорошей и интересной. Я Вамъ не стану говорить комплиментовъ, но это сущая правда. Я не зналъ анекдота про Фридриха-Вильгельма, но это совершенно въ его духѣ. Онъ говорилъ, бывало: смотрите мнѣ прямо въ глаза, когда я съ Вами говорю“.

Анекдотъ о Фридрихѣ-Вильгельмѣ былъ таковъ: чтобъ заставить человѣка его любить, императоръ билъ его палкой, прибавляя: „меня нужно любить, а не бояться“. Г-жа Новикова привела его, какъ иллюстрацію къ англійскому способу пріобрѣтенія дружбы Ширъ-Али.

Каноникъ Лидонъ писалъ изъ Оксфорда 22 октября:

„Я только-что прочиталъ съ истиннымъ интересомъ и сочувствіемъ Ваше письмо въ „Сѣверномъ Эхо“. Мнѣ кажется совершенно

естественнымъ, что русскій народъ негодуетъ на насъ. Мы, англичане, вели себя какъ нельзя хуже. Какъ нація, мы были то хвастливы, то подозрительны, то грубы, то циничны, дѣлали все, чтобъ возбудить недоброжелательство. Русскіе были бы ангелы, если бы не считали насъ за чертей.

„Одна или двѣ фразы въ Вашемъ письмѣ даютъ мнѣ смѣлость выразить Вамъ надежду, что Вы продолжаете заботиться о согласіи и примиреніи.

„Не падайте духомъ, все истинно доброе, сдѣланное въ мірѣ, всегда давалось тяжело. Мнѣ кажется, Вы не знаете о большомъ сочувствіи къ Россіи, которое существуетъ въ Англіи, въ особенности въ церкви и въ духовныхъ кругахъ. Для многихъ изъ насъ дѣло Россіи есть дѣло христіанства восточной Европы. Важно то, что Россія защитила угнетенные христіанскіе народы, и со временемъ это будетъ признано всѣми. Вы, я надѣюсь, останетесь въ Лондонѣ до декабря, когда мнѣ надо будетъ присутствовать въ соборѣ Св. Павла. Большое удовольствіе будетъ увидѣть Васъ и содѣйствовать сколько возможно возбужденію дружелюбныхъ чувствъ между двумя народами, которые должны бы быть въ тѣсной дружбѣ“.

Профессоръ Тиндаль, восторженное отношеніе котораго къ г-жѣ Новиковой никогда не распространялось на ея политическіе взгляды, былъ сдержаннѣе. Вотъ двѣ его записки по поводу ея двухъ статей въ октябрѣ:

„Большое спасибо за статью. Чувства мои относительно Англіи и Россіи совсѣмъ не ясны. Но ясно вполне желаніе, чтобы оба государства руководились разсудкомъ, а не страстями для устройства своихъ недоразумѣній, не прибѣгая къ адской машинѣ, называемой войной“.

„Я прочиталъ Вашу статью и относительно политики и нѣсколько смутился духомъ. Подозрительная, колеблющаяся, негостепріимная Англія, описанная Вами, мнѣ неизвѣстна“.

Гладстонъ 25-го октября писалъ г-жѣ Новиковой:

„Очень благодаренъ. Съ большимъ интересомъ прочелъ письмо. Для меня цѣнно всякое сообщеніе, откровенно высказанное. Въ этомъ правило и гордость моей родины. Поэтому я сердечно радъ, не только когда намъ говорятъ истинную правду, но даже за то, что честно принимаютъ за правду“.

Хорошо было бы, если бы многіе такъ же относились къ дѣлу.

Гладстонъ былъ пораженъ силой и ясностью, съ которой Ольга Алексѣевна изложила нашествіе на Афганистанъ. Шесть лѣтъ спустя, въ рѣчи къ своимъ избирателямъ на хлѣбной биржѣ, онъ такъ коснулся этого предмета:

„Ничто не могло такъ возвысить честолюбіе русскихъ, какъ наши враждебныя мѣры, единственный результатъ которыхъ былъ лишь довѣріе Афганистана къ русскому Царю. Русская дама очень талантливая, прекрасная политическая писательница, извѣстная г-жа Новикова, написала книгу „Россія и Англія“, посвященную ея брату Николаю Кирѣеву, очень хорошую съ русской точки зрѣнія, такъ какъ она русская. Она говоритъ: Вы очень боитесь насъ, русскихъ, чтобы мы не стали помѣхой Вамъ въ Индіи. У Васъ были двѣ преграды между нами и Индіей: нравственная человѣческая преграда въ добромъ народѣ, за много лѣтъ доказавшемъ Вамъ преданность и физическая преграда въ громадѣ горъ, и Вы могли быть спокойны. Что же Вы сдѣлали? Уничтожили нравственную преграду и заставили афганцевъ Васъ ненавидѣть. Можно думать, что если бы Вы могли, Вы уничтожили бы и физическую преграду. Къ счастью, эти горы, какъ Hindu-Koosh, окружающія Афганистанъ, слишкомъ высоки, чтобы быть скрытыми, и Вы пользуетесь до сихъ поръ безопасностью большой физической преграды между Вами и нами“.

Г-жу Новикову гораздо болѣе интересовало возстаніе въ Македоніи, случившееся тотчасъ послѣ подписанія Берлинскаго трактата, чѣмъ замѣшательство съ Афганистаномъ. Ея статья объ этомъ возстаніи была первымъ голосомъ, раздавшимся въ Англіи въ защиту несчастныхъ македонцевъ. Она начиналась такъ:

„Новое возстаніе въ Турціи! Возстаніе болгаръ: прочла это, и мной овладѣло волненіе. Я съ ужасомъ предвижу новые потоки крови, новыя жертвы за ту свободу, которую мы обѣщали добыть для нихъ“.

Кончалась статья предложеніемъ доказать англичанамъ ихъ сочувствіе къ славянамъ.

„Нравится это или нѣтъ нашему правительству, будетъ ли оно продолжать прежде всего успокаивать чувства Биконсфилда, лозунгъ начавшейся борьбы будетъ: „свободная Болгарія, отъ Дуная до Эгейскаго моря“. Снова я ставлю вопросъ: что при этомъ новомъ опытѣ сдѣлаетъ свободная, гуманная, благородная Англія? славянамъ нужны теперь дѣла, а не слова. Довольно любезностей. Нужно дѣятельное, энергичное сочувствіе“.

Фриманъ выражалъ симпатію, но не могъ воздержаться, чтобы не вставить словцо въ пользу своихъ protegés грековъ.

15 ноября 1898 г.

„Болгарія должна бы имѣть Эгейскій портъ, Турція также, но ни та, ни другая не должны занимать длиннаго пространства гре-

ческаго побережья. Я ничего не имѣю противъ того, чтобы отдать Фессалонники Болгаріи, космополитическій городъ, все равно чей онъ,—только Греціи долженъ принадлежать Адрианополь и новый Римъ.

„Что предстоитъ? Новая конференція. Во всякомъ случаѣ помощи Богъ македонцамъ. Я возвращаюсь къ старому псалму 1875 г.:

„Да будетъ хвала Господу въ устахъ ихъ и обоюдоострый мечъ въ рукахъ ихъ“.

Я просилъ г. Фримана написать что-нибудь о возстаніи въ Македоніи, и онъ отвѣчалъ мнѣ 24 октября:

„Я просматривалъ газеты и разговаривалъ съ г-жей Новиковой, но рѣшительно до сихъ поръ не нахожу матеріаловъ, чтобы написать что-нибудь о Македонскомъ возстаніи. Я просто не имѣю фактовъ“.

Фактовъ у него нашлось съ избыткомъ, до конца года, когда двадцать тысячъ несчастныхъ болгаръ бѣжали изъ своихъ горящихъ домовъ, чтобы искать убѣжища въ Македоніи. Общество привыкло къ ужасамъ и, за исключеніемъ протеста г-жи Новиковой, жестокости, сопровождавшія возвратъ турецкаго деспотизма въ юго-западной Болгаріи, не привлекли ничьего вниманія. Прошло около тридцати лѣтъ, прежде чѣмъ успѣли убѣдить британское правительство вмѣшаться активно въ судьбу несчастной провинціи, освобожденной Россіей и вновь отданной въ рабство Биконсфильдомъ.

Неудачи, постигшія Австро-Венгрію, когда она открыла, что Боснія болѣе похожа на гнѣздо шершней, чѣмъ на улей пчель, не нашли большого сочувствія въ Англіи. Фриманъ, извѣстный своею безграничною ненавистью къ Австро-Венгріи, писалъ въ концѣ сентября:

„Я живу въ надеждѣ, что все это Kaiserliche, Königliche дѣло, начало котораго, Боснія, взлетитъ на воздухъ, тогда мы избавимся и отъ людоѣда и отъ турка“.

Лавелей наоборотъ утверждалъ, что для княжествъ нѣтъ иного спасенія, какъ австрійская оккупация. Онъ писалъ г-жѣ Новиковой, считавшей Австрію тогда, какъ и теперь, врагомъ славянства, покровительницей іезуитовъ и притѣснительницей православныхъ:

„Какъ освободить Боснію? Вмѣшательствомъ Россіи? Невозможно. Создать изъ нея самостоятельное государство? Тоже невозможно (??).

Отдать ее Сербіи? Очень соблазнительно, но имѣется двѣ преграды: 1) необходимость для Сербіи страшиться мусульманъ и 2) Боснія разъединена съ Далмаціей своимъ морскимъ берегомъ.

Главное, надо смотрѣть на то, что возможно,—Австрія никогда не согласится оставить увеличенную Сербію въ сосѣдствѣ съ Черногоріей и Кроаціей. Никогда“.

Лавелей почему-то довѣрялъ обѣщаніямъ Австріи, что она введетъ порядокъ, безопасность, школы, дороги, всѣ условія просвѣщенія. Австрія увѣряла, что никогда не сдѣлаетъ ихъ католиками ¹⁾. Поэтому будущее имъ принадлежитъ.

„Это не ваша, но моя теорія“, говоритъ Лавелей. „Увы въ этомъ мірѣ нельзя дѣлать всего, что хочешь!“

Въ концѣ октября полковникъ Мюръ произнесъ рѣчь, въ которой онъ заявилъ, что будь либералы у власти, они бы объявили войну Россіи.

Г-жа Новикова, возмущенная этимъ мнѣніемъ объ англійскихъ либералахъ, написала Гладстону, надѣясь въ немъ найти утѣшеніе и опроверженіе. Тотъ отвѣтилъ немедленно:

Харденъ. 1 ноября 1878 г.

„Дорогая г-жа Новикова. Я прочиталъ съ большимъ неудовольствіемъ рѣчь полковника Мюра, хотя я не нашелъ въ ней причины, оскорбившей Васъ, но мнѣ трудно вѣрить, чтобы онъ произнесъ ее. Во-первыхъ, онъ ничего не знаетъ о либералахъ и ихъ намѣреніяхъ, кромѣ того, что они заявляютъ публично, но ихъ заявленія какъ разъ противоположны тому, что имъ приписываютъ. Я не думаю, чтобъ Мюръ говорилъ эту рѣчь; но говорилъ онъ ее или нѣтъ, она пуста и лишена значенія.

„Насколько я могу судить о мысляхъ либераловъ, будь они у власти, я думаю, они не задавались бы вопросомъ войны съ Россіей, потому что они употребили бы всѣ усилія, чтобъ организовать согласіе европейскихъ державъ для достиженія необходимыхъ уступокъ отъ Турціи. Что лично я былъ бы склоненъ еще сдѣлать, это воспротивиться всякимъ предварительнымъ постановленіямъ между тремя императорами и требовать для Англій и другихъ державъ честнаго и равнаго невмѣшательства.

„Митингъ, на которомъ я присутствовалъ вчера вечеромъ, былъ очень многолюдный и восторженный. Что меня касается, я думаю, что настоящее правительство приближается къ гибели, и надѣюсь, что день, когда ему унаслѣдуетъ лордъ Гранвиль, наступитъ не позже 12 мѣсяцевъ.

„Не желательно, чтобы это случилось внезапно. Боюсь, что до конца этого мѣсяца не буду въ городѣ.

Вѣрьте моей искренней преданности

Гладстонъ“.

¹⁾ Г-нъ Лавелей ошибался: въ 1908 г. іезуиты насчитывали въ двухъ провинціяхъ уже 400.000 католиковъ... Число ихъ все растетъ. Растетъ и преслѣдованіе несчастныхъ православныхъ.

Рѣчь Гладстона въ Райдѣ привела въ негодованіе Фримана. Онъ пишетъ 5 ноября:

„Въ своей рѣчи Гладстонъ предполагаетъ, что въ 1856 г. почти всѣ считали возможными реформы въ Турціи. Я зналъ уже въ 1855 г., что это невозможно. Прочтите мою книгу „Исторія и побѣды сарациновъ“ отъ стр. 200 (2 изданія) и до конца. Вещь простая: у каждой магометанской страны обязанность религіи—ставить подданныхъ, не магометанъ, ниже своихъ единовѣрцевъ. Допускается лишь презрительная терпимость. Когда терпимость возводится въ законъ, то въ Турціи ему практика противится. Поэтому, ни одно магометанское правительство неспособно къ реформамъ на подобіе христіанскихъ. Оно должно прежде всего поставить своихъ подданныхъ, не магометанъ, въ такое положеніе, которое не оправдывало бы мятежъ въ каждую данную минуту. Христіанское правительство можетъ быть такъ же плохо, какъ и магометанское, но ничто не мѣшаетъ ему преобразоваться, и многіе, болѣе или менѣе, реформировались. Я это много разъ повторялъ, зналъ это въ 1855 г., чего, повидимому, Гладстонъ не зналъ“.

Интересно, что сказалъ бы Фриманъ о конституціонныхъ перспективахъ 1908 г. въ Турціи!

Гладстонъ, въ письмѣ отъ 14 ноября, возвращается къ полковнику Мюру. Онъ говоритъ:

„Дорогая госпожа Новикова. Получивъ Ваше письмо, я написалъ Брайсу, который отрицаетъ объясненія полковника Мюра. Оказывается, этотъ полковникъ, съ излишней посѣшностью, сначала неправильно его понялъ, потомъ ошибочно привелъ его слова, сказанныя въ частномъ разговорѣ, и сообщилъ даже имя Брайса въ „Daily Telegraph“. Такимъ образомъ задалъ работу тѣмъ, у кого и такъ дѣла много. Я чувствовалъ, что Брайсъ не могъ быть виновенъ въ такой безсмыслицѣ.“

„Полковникъ Мюръ, я полагаю, благонамѣренный человекъ, но онъ принадлежитъ къ міру военному, среди котораго либералы въ крайнемъ меньшинствѣ.“

„Лордъ Биконсфилдъ снова показалъ, изъ какого матеріала онъ созданъ, воспользовавшись осторожнымъ и рыцарскимъ указаніемъ Вашего Государя, лишившаго его возможности выказать лишній разъ свою дерзость. Вы, можетъ быть, читали мое письмо въ „Эхо“ или его рѣчь. Если не читали, я Вамъ пришлю ихъ. Я твердо убѣжденъ, что державы, агенты которыхъ подписали Родопское донесеніе, должны обсудить, какіе шаги слѣдуетъ предпринять теперь. Боюсь, что мнѣ придется скоро говорить длинную рѣчь. Искренно преданный Вамъ Гладстонъ“.

Госпожа Новикова была бы гораздо болѣе довольна, если бы Гладстонъ не касался вовсе Родопскаго донесенія, но это былъ не первый случай, когда Гладстонъ касался подобныхъ вопросовъ, чтобъ доказать свое безпристрастіе.

Когда Ширъ-Али, Афганскій эмиръ, принялъ русское посольство, Гладстонъ утверждалъ, что если это обстоятельство представляло *casus belli*, то Англія должна была объявить войну не слабому эмиру, а сильной Россіи. Гладстонъ говорилъ это ввидѣ насмѣшки надъ правительствомъ, но Мартенсъ, извѣстный англофилъ, предполагалъ, что Гладстонъ стоялъ за войну съ Россіей, когда Гладстонъ готовился произнести большую рѣчь въ Гринвичѣ. Г-жа Новикова попросила у него билетъ на входъ. На это Гладстонъ написалъ ей слѣдующее:

Харденъ, 24 ноября 1878 г.

Дорогая г-жа Новикова. Боюсь, что Вы должны меня считать невѣжей потому, что я не предложилъ Вамъ достать билетъ на Гринвичъ, но я поступилъ благоразумно. Вы не можете себѣ представить тѣхъ подозрѣній и ложныхъ обвиненій, которымъ я подвергаюсь. Моя прямая обязанность—быть осторожнымъ. Такой простой поступокъ, какъ присылка Вамъ билета, получилъ бы вредную окраску. Вамъ лучше обратиться къ почетному секретарю, какъ русской, или какъ иностранкѣ, и просить у него билетъ или билеты, какіе Вы желаете. Не знаю, какъ дѣла у Васъ, у насъ они очень серьезны, и этимъ мы обязаны правительству. Вашъ искренно Гладстонъ“.

Контрастъ между нежеланіемъ оказать простую услугу, присылкой г. Новиковой билета на публичное собраніе, и смѣлымъ предложеніемъ руки, чтобъ провести ее изъ Сентъ-Джемсъ-Холь, послѣ конференціи въ 1876 г., очень характеренъ.

Эта осторожность не мѣшала ему писать такъ же часто и откровенно. Въ двухъ письмахъ въ декабрѣ онъ возвращается къ старой темѣ.

72. Харлей Стривъ.

4 декабря 1878 г.

„Дорогая г-жа Новикова. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Ваша роль здѣсь—это роль миротворца. Нѣтъ болѣе высокаго призванія, а потому Вы имѣете полное право говорить со мной.

Я понимаю, что данныя мной краткія объясненія на счетъ Россіи могутъ казаться оскорбительными, но надѣюсь, что Вы ихъ найдете умѣренными.

Я нахожу, что посольство въ Кабуль было нарушеніемъ договора съ бывшимъ правительствомъ. Я ожидалъ что Россія сошлется на то, что это было соглашеніе между дружественными правительствами, и что оба мы имѣемъ право отступить отъ него. Я не отнесся бы критически къ такому отвѣту, но отвѣтъ, что это была лишь миссія вѣжливости, слѣдовательно, внѣ предѣловъ соглашенія, меня не удовлетворяетъ.

Что касается Родопскаго дѣла, я не высказывалъ и не составлялъ даже мнѣнія о жестокостяхъ, совершенныхъ русскими. Ихъ гуманное обращеніе во время войны 1877 г. мнѣ извѣстно. Но я не могу пройти молчаніемъ на этотъ разъ низкой клеветы, которой меня осыпаютъ Лаярдъ и другіе.

Я нахожу, что обязанность нашего правительства произвести разслѣдованіе и потомъ рѣшить, какъ дѣйствовать. Вѣрьте моей искренней преданности.

Гладстонъ“.

Получивъ письмо отъ старика графа Грей, одобряющаго образъ мыслей Гладстона, я сообщилъ объ этомъ въ Харденъ. Вотъ отвѣтъ Гладстона:

2 ноября 1878 г.

„Милостивый Государь. Я очень доволенъ всѣмъ, что я видѣлъ и читалъ относительно лорда Грей. Мнѣ доставляетъ большое удовольствіе знать, что онъ относится одобрительно къ моимъ поступкамъ. Онъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ непоколебимой смѣлостью и неизмѣнной правильностью намѣреній, я восхищаюсь.

Гладстонъ“.

Фриманъ критиковалъ Берлинскій конгрессъ въ статьѣ подъ заглавіемъ „Три трактата“, которую онъ помѣстилъ въ Quarterly Review. За это время интересъ народный перешелъ съ Балканъ на Афганистанъ, и Фриманъ былъ нѣсколько огорченъ тѣмъ, что статья его привлекла къ себѣ такъ мало вниманія.

Онъ писалъ мнѣ 30 октября 1878 г., выражая надежду, что народъ наложитъ вето на Афганскую войну.

Г-жа Новикова конечно была въ восхищеніи отъ „Трехъ трактатовъ“. Вопросъ о томъ, что должны предпринять противники войны, которая объявлена, и которую они считаютъ несправедливой, часто обсуждался въ то время, какъ Биконсфильдъ угрожалъ войной Россіи. Онъ возобновился въ 1878 г., когда возникла непротитительная война въ Афганистанѣ.

Фриманъ мнѣ писалъ 11 декабря 1878 г. по поводу этой войны:

„Я еще не дошелъ до рѣчи Гладстона, но въ преніяхъ обѣихъ палатъ въ понедѣльникъ никто не обсуждалъ простого факта. Теперешняя война есть личное преступленіе Биконсфильда и его соучастниковъ. Если мы на нее согласимся, преступленіе будетъ наше, а не ихъ.“

„По-настоящему, его и его присныхъ, какъ преступниковъ слѣдовало бы отправить въ Афганистанъ, вины бы въ этомъ не было. Тогда бы мы имѣли „миръ съ честью“.“

Въ такомъ же духѣ писалъ сэръ G. W. Коксъ наканунѣ Рождества:

„Я прихожу въ ужасъ, прочитавъ, что даже „Spectator“ находитъ, что, такъ какъ Робертсъ потерпѣлъ неудачу, мы не можемъ уйти изъ Афганистана, не покоривъ вновь Кабула“.

„Это просто отвратительно.“

Если мы не сдѣлали зла, будемъ стоять за свою правоту. Но если мы были неправы, неужели нѣтъ никакой возможности признаться передъ всѣмъ свѣтомъ въ нашей винѣ?

Все это дѣло Биконсфильда. Вы, конечно, будете стоять за то, что наша первая обязанность оставить Афганистанъ, не грѣща болѣе противъ людей, которымъ мы уже нанесли непростительный вредъ.

Къ огорченію и стыду, испытываемому нами, при сознаніи полнаго безсилія отвратить ненавистную войну въ Азіи, прибавился, въ ноябрѣ, страхъ, что правительство поссорится съ Россіей изъ-за Родопской комиссіи“.

Епископъ Фразеръ писалъ:

„Какое странное высшее общество Англии, оно приходитъ въ восторгъ отъ такого наглаго лжеца, какъ лордъ-Биконсфильдъ. Это внушаетъ массу тревожныхъ вопросовъ о разныхъ предметахъ, какъ, на примѣръ, о вліяніи на насъ христіанства и церкви Христовой. Я боюсь, что мы опять гниемъ. Однако я долженъ сказать, что г-жа Новикова смотритъ на вещи слишкомъ мрачно. Россія много сдѣлала для Востока. Континентъ, или во всякомъ случаѣ Германія, непріятное мѣстопребываніе. Теперь тамъ тяжелья подозрѣнія и безпокойство преобладаютъ. Чувствуется какъ бы приближеніе катастрофы“.

Госпожа Новикова издала въ 1878 г. свои писъма въ брошюрѣ подъ названіемъ „Друзья или враги“.

Брайсъ, теперешній посланникъ въ Вашингтонѣ, писалъ мнѣ, послѣ ея появленія:

„Вторая серія ея писемъ, даже лучше первой, полна огня и

блеска. Надѣюсь, что у Васъ на Сѣверѣ дѣла поправляются. Нельзя сказать того же о Лондонѣ.

„Какъ жаль, что нѣтъ больше доказательствъ, обличающихъ ложь относительно Родопскаго донесенія“.

Кинглекъ писалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ 29-го декабря 1878 г.:

„Я не читалъ комментаріевъ на Ваше послѣднее изданіе, но это не значитъ, что не идетъ яростной полемики о достоинствахъ О. К. Если бы случилось, что Ваше изданіе не настолько привлекаетъ вниманія, какъ Вы бы желали, причиной этому не авторъ, а то, что ослабѣлъ интересъ къ Россіи. Народъ неохотно и непродолжительно занимается дѣлами иностранныхъ государствъ; исключеніе дѣлаютъ войны, возбуждающія пренія. Самый вѣрный поборникъ Россіи, которому Вы помогли совратиться съ пути истины, это Хевардъ. Онъ готовъ сражаться за Россію, каждую минуту, доказывая ея добродѣтели и вину только въ томъ, что она не понята“.

Гладстонъ писалъ:

12 декабря 1878.

„Дорогая г-жа Новикова. Заранѣе благодарю за ожидаемую брошюру. Написанная такъ, какъ Вы всегда пишете, она только можетъ принести пользу.“

„Я смотрѣлъ на миссію въ Кабуль, какъ на дѣйствіе Русскаго правительства, въ виду треній между двумя странами. На такомъ основаніи я ни слова не сказалъ бы противъ нея. Разницы въ свойствахъ миссій я не допускалъ. Изъ чего Вы можете заключить о ничтожности моихъ дипломатическихъ способностей.“

У жены моей болитъ глазъ. Съ лучшими желаніями Вамъ отъ насъ обоихъ остаюсь преданный Вамъ

Гладстонъ“.

„Обратите вниманіе на вчерашніе выборы въ Торійской твердынѣ“.

О брошюрѣ г-жи Новиковой „Друзья или враги“ Малькольмъ Макколъ писалъ:

„Я всѣмъ рекомендую Вашу книгу. Она прелестна и блестяща, больше, я думаю, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, чѣмъ Ваша предыдущая книга“.

„Друзья или враги“ не произвели, быть можетъ, такой сенсаціи, какъ „Is Russia wrong“ (Виновата ли Россія) по причинѣ, высказанной Кинглекомъ. Россія перестала привлекать общественное вниманіе. Но тѣ, кто читали, восхищались. Карлейль былъ большой цѣнитель всего, что писала русская лэди. Ольга Алексѣевна

часто его видѣла въ то время, онъ очень ее поощрялъ. Она мнѣ писала 29 ноября.

„Карлейль и Фрудъ пріѣзжали проститься со мной. Первый привезъ мнѣ своего Фридриха, написалъ на немъ свое имя, дрожащей, старческой рукой. Уходя, онъ сказалъ: „Я увѣренъ, что Ваша брошюра будетъ имѣть большой успѣхъ“. „О нѣтъ“, отвѣчала я, „къ прошлогодней г-нъ Фрудъ написалъ предисловіе, которое и обезпечило второе изданіе, эта же не имѣетъ никакого введенія“.—„Оно совсѣмъ не нужно“, рѣшилъ милый Карлейль и поцѣловалъ мою руку.

Когда г-жа Новикова возвратилась въ Москву, въ концѣ 1878 г. одинъ англичанинъ, сочувствующій христіанамъ въ Турціи и ихъ поборницѣ Россіи, напечаталъ 6 декабря въ Bolton Evening Guardian стихотвореніе, какъ дань русской женщинѣ, воспользовавшейся удивительнымъ знаніемъ Англіи и прелестью своего литературнаго краснорѣчія, чтобъ поселить добрыя отношенія между Англіей и Россіей.

Вотъ отрывокъ изъ этого стихотворенія:

To on her return home to Moscow.

December 1878.

We have in thee an honest friend,
Whose charms of heart and mind combine to lend
All that's most needful to a fair review
Of what we'r thinking and of what we do.
Thou know'st our language and our mode of thought.
Thy quick perception, too, hath truly caught.
The subtlest workings of our inmost he art.

Сообщено Е. С. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

